

СЛУЧАЙНОЕ И ЗАКОНОМЕРНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОБЫТИИ: битва при Гастингсе 1066 г.

М.М. Горелов

Аннотация. Значимые исторические события, формирующие коллективную память, нередко являются своего рода точками бифуркации, определившими дальнейшее историческое развитие страны, что на протяжении веков вызывает полемику как вокруг самих событий, так и вокруг их интерпретаций, трактовок, которые, как правило, зависят от текущей политической конъюнктуры. В связи с этим наиболее достоверные результаты при исследовании знаковых событий в истории дают микроисторический и контрфактуальный подходы. Первый раскрывает всю совокупность причинно-следственных связей, возникающих вокруг исторического факта, исследуя мелкие цепочки событий. Второй позволяет моделировать возможные варианты развития событий, исходя из реальных предпосылок и допущений и устанавливая рамки альтернативности. Сочетание этих научных подходов позволяет проиллюстрировать битву при Гастингсе в контексте сопутствовавших ей событий, предпосылок и следствий.

Ключевые слова: Гастингс, битва, нормандское завоевание, Вильгельм, Гарольд, англосаксы, Лондон.

Для цитирования: Горелов М.М. Случайное и закономерное в историческом событии: битва при Гастингсе 1066 г. // Преподаватель XXI век. 2025. № 3. Часть 2. С. 276–288. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-276-288

ACCIDENTAL AND NATURAL IN A HISTORIC EVENT: the Battle of Hastings in 1066

М.М. Gorelov

Abstract. Significant historic events that form the collective memory are often a kind of bifurcation points that determine the further historical development of the country. For centuries, this has caused controversy both around the events themselves and around their interpretations that usually depend on the current political situation. In this regard, micro-historical and counterfactual approaches provide the best results in the study of such milestones in history. The first one reveals the totality of cause-and-effect relationships that arise around a historic fact, examining small chains of events. The second one allows you to

© Горелов М.М., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

model possible scenarios based on real-world prerequisites and assumptions and establish the framework of alternatives. The combination of these theoretical approaches seems fruitful and illustrates the Battle of Hastings in the context of its accompanying events, prerequisites and consequences.

Keywords: Hastings, battle, Norman Conquest, William, Harold, Anglo-Saxons, London.

Cite as: Gorelov M.M. Accidental and Natural in a Historic Event: the Battle of Hastings in 1066. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2025, No. 3, part 2, pp. 276–288. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-276-288

В истории любой страны есть события, даты которых являются маркерами коллективной исторической памяти. Одним из таких событий в английской истории является битва при Гастингсе, состоявшаяся 14 октября 1066 г., в которой герцог Нормандии Вильгельм¹ одержал убедительную победу над своим английским оппонентом, королем Гарольдом, что послужило началом нормандского завоевания Англии, которое кардинально изменило историческую судьбу страны и обусловило ее своеобразие.

Для многих ученых битва при Гастингсе стала своего рода судьбоносной вехой в истории государства. Наиболее достоверные результаты в изучении подобных исторических фактов дает микроисторический подход, позволяющий проанализировать и выделить все причинно-следственные и фактологические связи, которые образуют сложную сеть вокруг данного события. Появляется возможность рассмотреть событие на фоне происходящих вокруг явлений и установить связь между ними. Надо заметить, что битва при Гастингсе и ее событийное окружение хорошо документированы в нарративных источниках — англосаксонских и нормандских хрониках, а также в произведениях авторов чуть более позднего периода, некоторые из которых были причастны к этим событиям, в частности в таком экзотическом изобразительном источнике, как известный гобелен из Байё, созданный спустя десятилетие после битвы. Однако, несмотря на имеющуюся информацию, многие аспекты битвы при Гастингсе до сих пор вызывают вопросы, касающиеся как фактологической стороны, так и осмысления роли сражения в общеисторическом процессе развития Англии.

Прелюдией к Гастингсу стала сложная ситуация с престолонаследием, сложившаяся в 1066 г. В первой половине XI в. Англия на несколько десятилетий попала под власть датской королевской династии в результате завоевания датчанами и стала частью северной державы Кнута Великого (1016–1035), а правившая ранее англосаксонская династия из Уэссекса была отстранена от власти, ее представители вынуждены были эмигрировать в герцогство Нормандия, с которым у Англии имелись добрососедские отношения и династические связи. Когда же датская династия пресеклась в 1042 г., английский престол занял Эдуард Исповедник из прежней династии, выросший в эмиграции. Однако Эдуард умер 5 января 1066 г., не оставив прямых наследников, поэтому за английский престол развернулась борьба между несколькими претендентами,

¹ К сожалению, по сложившейся с дореволюционных времен традиции имя нормандского герцога неверно передается в отечественной историографии в немецкоязычной форме «Вильгельм». В действительности оно звучало как «Гийом», так как нормандцы в XI в. давно уже были франкоязычными.

как это обычно бывало в подобных ситуациях. Хотя наиболее легитимным наследником был дальний родственник Эдуарда принц Эдгар Этелинг² из англосаксонской династии, он был еще слишком юн и в силу возраста не способен к управлению страной. Другим претендентом был герцог Нормандии Вильгельм, который аргументировал свои права на корону Англии сомнительной историей, будто покойный Эдуард завещал престол Англии именно ему, что было обусловлено многолетними дружественными личными связями с нормандским двором. Реальным мотивом Вильгельма было желание расширить и укрепить свое государство, присоединив к нему Англию. Третьим претендентом, наименее легитимным, но имевшим силу и влияние в стране, был представитель знатного аристократического рода Годвинов Гарольд, чей отец (ум. 1053), крупнейший магнат, был тестем почившего короля и фактически вторым лицом в государстве. Наконец, притязания на престол имел король Норвегии Харальд Суровый, по складу натуры склонный к захватническим авантюрам в духе викингов, который всю жизнь провел в военных походах далеко за пределами родины³. К нему примкнул брат Гарольда Тости, обиженный на брата за изгнание из страны, что было связано с крайне неудачным правлением на севере Англии, повлекшим за собой в 1065 г. бунт местных феодалов и отстранение Тости от управления этим регионом. Изгнанник бежал во Фландрию, так как его жена приходилась сестрой графу Фландрии Бодуэну, где искал поддержки, чтобы отомстить за свое унижение [1, р. 167; 2, р. 96].

Поскольку из всех претендентов наибольшей силой и влиянием на местах обладал Гарольд, он сумел добиться избрания его королем практически сразу же после похорон Эдуарда Исповедника. Вступление на престол прошло со значительными нарушениями процедуры и фактически было навязано знатью юга Англии (Уэссекса) остальной части страны, поскольку именно этот регион был опорой и вотчиной Гарольда, в то время как представители правящих элит других регионов скорее всего даже не присутствовали на этом мероприятии, так как даже не успели прислать своих представителей. Эти обстоятельства позволили Вильгельму обвинить Гарольда в узурпации английского престола и развернуть кампанию по подготовке вторжения в Англию. Ассамблея нормандских баронов одобрила идею вторжения, в немалой степени благодаря стараниям Гийома фиц-Осберна, ближайшего соратника герцога [3, р. 56, 292–294, 298–300].

Основная подготовка к вторжению состояла в строительстве флота и наборе войска, которые заняли почти все лето. Под знамена герцога Нормандии охотно стекались добровольцы из разных регионов Франции, особенно из близлежащих. Так, почти треть войска Вильгельма составили бретонцы. Тем временем нормандская дипломатия в лице многочисленных послов обеспечила нейтралитет соседних государств в грядущем конфликте [4, р. 219]. Важное место в идеологическом оправдании экспедиции в Англию было использованное по инициативе влиятельного нормандского прелата Ланфранка [3, р. 272], утверждение о том, что во время пребывания в Нормандии двумя годами ранее Гарольд дал Вильгельму клятву поддерживать притязания нормандского герцога на английский престол в будущем, исполняя волю самого Эдуарда Исповедника. Легенда

² Этелинг — традиционное англосаксонское наименование наследника престола, сравнимое с более поздними терминами *дофин*, *цесаревич*, *эригерцог*, *кронпринц* в континентальных странах Европы.

³ Биография Харальда достаточно подробно освещается в известной скандинавской саге, вошедшей в собрание Снорри Стурлусона «Круг земной».

об этой клятве довольно сомнительна с исторической точки зрения; сведения о ней имеются лишь в нормандских хрониках, но отсутствуют в англосаксонских, что уже само по себе наводит на недвусмысленные выводы о сфабрикованности данной легенды нормандскими хронистами в политических целях. Даже если такой факт и был, то очевидно, что клятва была дана частным лицом, не уполномоченным выражать волю правящей элиты целого государства. А без соответствующего одобрения политические решения подобного уровня в феодальном обществе были просто невозможны. Исчерпывающее мнение по этому поводу выразил современный переводчик Уильяма Малмсберийского: «Это один из самых неясных моментов нашей истории» [5, р. 253]. Однако, благодаря тезису о религиозной необходимости покарать Гарольда за «клятвопреступление», считавшееся в Средние века тяжким грехом и попранием моральных норм, экспедиция Вильгельма обрела своего рода идейную оболочку — принести в Англию «улучшение нравов» в стиле клюнийской реформы [5, р. 279–280; 3, р. 284–285]. Благодаря этой точке зрения, папский престол поддержал инициативу герцога [5, р. 273; 3, р. 318–322].

В мае 1066 г. Тости с наемным войском из фламандцев численностью около 1 тыс. человек при 60 кораблях осуществил давно планировавшийся рейд к английским берегам, совершив несколько попыток высадки в разных пунктах южного и восточного побережья страны. Мероприятие вылилось в пиратский набег, отпор которому со стороны местных сил самообороны англосаксов увенчался полным разгромом Тости, едва спасшегося в Шотландии всего с пятой частью флотилии [6, р. 140–141; 7, р. 578; 8, р. 85; 1, р. 168]. Э. Фримен считал набег Тости частью плана нормандского герцога, пробой сил, всячески подчеркивая связь Тости с Вильгельмом [3, р. 307]. Однако на самом деле Тости, судя по всему, было безразлично, на чью помощь рассчитывать в осуществлении личной мести брату. Сначала он обратился за помощью к датскому королю Свену Эстридсену, предлагая тому английскую корону в случае победы, а затем, не встретив у Свена отклика, предложил то же самое норвежскому королю Харальду Суровому, обещая тому пронорвежский «электорат» в Англии и предлагая себя на пост эрла⁴ Нортумбрии в будущем англо-норвежском королевстве [9, с. 450–451] (очевидно, оно должно было повторить державу Кнута Великого).

В источниках нет сведений о каких-либо совместных планах норвежского короля и нормандского герцога по вторжению в Англию осенью 1066 г., как и о дипломатической активности между этими государствами. Союзником Харальда был именно Тости. Автор Вустерской хроники говорит о заранее спланированной совместной высадке Харальда и Тости в Англии [1, р. 168–169]. Одновременное вторжение норвежского и нормандского войск оказалось, по-видимому, в большей степени совпадением, а не результатом скоординированных действий, хотя само по себе существование связей между Харальдом Суровым и Вильгельмом не исключается.

Король Англии Гарольд был информирован о планах нормандского вторжения и принимал необходимые меры, связанные с обороной страны, ожидая противника с войском и флотом на острове Уайт, прикрывавшем южные подходы к Англии с моря. Однако

⁴ Английский титул «эрл» обычно переводится на русский язык как «граф», однако в XI в. статус и власть эрлов стали соответствовать скорее европейским герцогам, управлявшим крупными территориальными княжествами, как в Германии. К 1066 г. Англия делилась на 4 эрлства: Нортумбрию (север страны), Мерсию (центр), Уэссекс (юг) и Восточную Англию.

Вильгельм задерживался: нормандцы всё еще не могли завершить постройку нужного количества кораблей. Тем временем 8 сентября 1066 г. регламентированный срок службы у ополчения вышел, и Гарольду пришлось распустить его по домам, поскольку сражаться было не с кем, а ополченцев ждал разгар сельскохозяйственных работ, и было экономически нецелесообразно дольше отрывать крестьян от них [1, р. 168–169; 6, р. 142]. Так по иронии судьбы вооруженный Гарольд не дождался «опаздывавшего» противника. Только в середине августа 1066 г. нормандский флот был достроен, а попутного ветра для такого сложного по тем временам мероприятия, как транспортировка большого войска через Ла-Манш, пришлось ждать еще полтора месяца. О том, что Гарольд знал о намерениях Вильгельма, говорит тот факт, что он посылал шпионов в гавань Див [4, р. 220; 3, р. 386, 396].

После роспуска Гарольдом ополчения ход событий резко ускорился. Флот Харальда Сурового значительно опережал движение нормандцев, так как встречный ветер мешал последним выйти в море, но был попутным для норвежцев. Норвежцы располагали примерно 200 кораблями и 6 тыс. воинов, хотя хронисты преувеличивали это число до 300 и даже до 500 [8, р. 95; 1, р. 169; 6, р. 142]. Отплыв из Норвегии, очевидно, в самом начале сентября 1066 г., норвежский флот пополнился контингентами на Оркнейских островах, затем соединился в устье р. Тайн с эскадрой вернувшегося из Шотландии Тости и 10 сентября вошел в залив Хамбер, направившись к главному городу севера Англии — Йорку. Сколько-нибудь значимого военного флота у англосаксов там не было, поэтому эрлы Эдвин и Моркар, управлявшие Нортумбрией и Мерсией, дали сражение на суше 20 сентября при Фулфорде, где были наголову разгромлены [1, р. 169; 6, р. 142; 9, с. 453–454].

После этого знать севера Англии была готова не только на мир с Харальдом Суровым, но и на союз с ним, присягнув ему на верность (не в последнюю очередь под впечатлением поражения при Фулфорде) [9, с. 455; 8, р. 95]. Скандинавский правитель вновь был для северян предпочтительнее ставленника Уэссекса, поскольку эти территории долгое время входили в состав Области Датского права и имели значительную культурную обособленность [10, с. 289–304]. Для Гарольда отражение норвежского вторжения означало не только военную операцию, но и сохранение территориальной целостности королевства, своего рода проверку нового короля на прочность его власти. Наспех собрав войска, Гарольд совершил марш на север, где разбил норвежцев 25 сентября 1066 г. при Стэмфорд-Бридже. В этой кровопролитной битве погибли Харальд Суровый и Тости [6, р. 142; 1, р. 169].

Остатки норвежского флота в составе двух десятков судов отбыли домой, потеряв в двух сражениях большую часть своих экипажей [6, р. 142–143, 145; 1, р. 169]. Однако силы самих англосаксов тоже были заметно подорваны; в битве при Стэмфорд-Бридже погибли лучшие войска Гарольда [6, р. 142–143, 145; 1, р. 169–170]. Тем временем 27 или 28 сентября 1066 г. нормандский флот, насчитывавший около 600 судов, отплыл из порта Сен-Валери в направлении Британских островов [4, р. 220]. 28 или 29 сентября нормандцы высадились на южном побережье Англии, о чем Гарольд еще не знал. Вряд ли известия об этом могли дойти до Йорка ранее 3 октября, учитывая необходимое для перехода время [13, р. 13; 3, р. 419–420]. С остатками войск Гарольд двинулся назад на юг, и 14 октября 1066 г. состоялась битва при Гастингсе. Хронисты оценивали войско Вильгельма как «огромное», «бесчисленное», однако в реальности оно насчитывало 5–7 тыс. человек, в том числе 2 тыс. рыцарской конницы [11, 12].

Битва при Гастингсе отличалась значительным упорством и продолжительностью — она длилась более 10 часов, что было редкостью в то время. Обе стороны проявили как мужество, так и тактическую смекалку. Англосаксы, чье войско было ослаблено недавней северной кампанией против норвежцев, избрали оборонительную позицию, заняв возвышенность и удерживая ее в плотном пешем построении. Нормандцы, в свою очередь, весь день неоднократно атаковали ее, грамотно сочетая действия пехоты, конницы и лучников таким образом, чтобы не давать обороняющимся ни малейшей передышки, однако долго не могли достичь желаемого результата: их наступательные порывы заканчивались отступлениями, причем доходило даже до утери дисциплины и боевого духа, что потребовало личного вмешательства герцога, рисковавшего жизнью. Например, в один из критических моментов под ним была убита лошадь, что вызвало среди воинов панику и слухи о гибели предводителя. Наконец англосаксы частично нарушили строй, посчитав противника бегущим, и бросились его преследовать. В это время нормандцы перешли к контратаке и успешно начали преодолевать оборону противника, что в итоге привело их к победе. В финальной фазе сражение превратилось в хаотичную рукопашную схватку, в которой погиб король Гарольд, после чего английское войско рассеялось [1, 6, 13, 14].

Поражение англосаксов было обусловлено во многом случайными факторами. Прежде всего, эрлы Эдвин и Моркар не желали жертвовать своими людьми в интересах, как им, очевидно, представлялось, Уэссекса. Их войска не участвовали ни в походе на юг, ни в битве при Гастингсе, т.е. фактически управляемая ими половина страны не поддержала военные мероприятия короля. От самой же армии Гарольда после северной кампании осталась всего треть, а ополчение южных графств было еще не готово к выступлению [1, р. 170]. При темпах и средствах коммуникации того времени мобилизовать их можно было с большим трудом, что отражалось на качестве войска. Кроме того, историки долгое время находились в плену стереотипа о передовом военном деле нормандцев. Поражение англосаксов при Гастингсе объяснялось несовершенством военной тактики и вооружения. В создании данного мнения важную роль сыграли историки «англо-нормандской» школы Ф. Стентон и др. [15]. Э. Фримен, интерпретируя источник, также внес свою лепту, поддержав эту точку зрения, которая позже попала и в советские учебники, где можно прочитать характерные строки: «Войско англосаксов — в основном крестьянское ополчение, вооруженное дубинами и топорами... Нормандское войско — тяжеловооруженная рыцарская конница» [16, с. 40–41]. Такая трактовка как нельзя лучше укладывалась в рамки формационного подхода, в свою очередь произросшего из позитивизма и прогрессистской парадигмы эпохи Просвещения (как и собственно марксизм в целом). Всё отсталое рассматривалось как наследие уходящей стадии общественного развития, а передовые методы и технологии военного дела — как атрибуты более прогрессивной стадии. Таким образом, в глазах ученых вырисовывалась логичная, идеологически выверенная картина: закосневшие в пережитках «раннефеодального», архаичного общественного устройства англосаксы проиграли противостояние более совершенной феодальной машине французского образца.

Если же подойти к этой проблеме объективно, выясняется несколько другое. Во-первых, рыцарская конница в XI в. еще далеко не достигла той мощи, как в XII–XIV вв., да и сами рыцари составляли меньше половины нормандского войска. Тогдашний рыцарь

даже не был особенно «тяжеловооруженным». Английский хускерл (королевский дружинник) практически не отличался по вооружению и доспехам от нормандского рыцаря, что ясно отражено на гобелене из Байё. Доспехи тяжеловооруженного воина той эпохи были довольно простыми и состояли из длинной, до колен, кольчуги, простого шлема конической или закругленной формы и миндалевидного либо круглого щита. Воины победнее довольствовались более короткой кольчугой, а то и вовсе кожаной или стеганой верхней одеждой. Оружие рыцарей было представлено мечами и простейшими по конструкции копьями, у хускерлов, кроме того, имелись традиционные для Северной Европы секиры на длинном, до груди взрослого человека, древке. Масса рядовых бойцов вооружалась также копьями, топорами, мечами и прочим оружием соответственно своему достатку [12, р. 64, 147; 17; 18; 19]. Во-вторых, у англосаксов были и лучники, и конница. Даже в записях хроник за предыдущие века (IX–X вв.) неоднократно представлены конные воины англосаксов и их действия, что свидетельствует о вполне привычном для этой страны умении воевать верхом, несмотря на преобладавшую в целом характерную манеру северных народов сражаться пешими вследствие местного ландшафта, изобиловавшего лесами, болотами и затопленными морем низинами. Так, например, описывая отражение набега Тости, Вустерская хроника гласит: «Король Гарольд приказал... конному отряду быть наготове». «Сага о Харальде Суровом», давая развернутую картину битвы при Стэмфорд-Бридже, говорит о наличии значительного количества конницы в англосаксонском войске, в отличие от норвежцев, сражавшихся исключительно пешими, равно как и об английских лучниках. На том же гобелене из Байё можно заметить изображение англосаксонского лучника [1, р. 168; 9, с. 455; 12, р. 148; 20, р. 21–25]. Конницу Гарольд предпочел не использовать ввиду оборонительной тактики англосаксов в этом сражении, для которой пеший строй был более подходящим, поэтому, видимо, даже конные воины бились спешенными. Таким образом, англосаксы проиграли битву не потому, что их войско и военное дело в целом были слабыми, а потому что оно находилось в плохом состоянии конкретно при Гастингсе [11, р. 80, 151]. «Крестьяне с дубинами» были наспех согнаны на место лучших отрядов, polegших на севере. Это была не норма, а исключение. У норманнцев же было преимущество в виде отличной слаженности, организованности, а также свежее войско.

В массовом сознании, ограниченном рамками школьного курса истории, битва при Гастингсе обычно представляется завершением нормандского завоевания Англии, но на деле после Гастингса только начался сам процесс завоевания страны, длившийся несколько лет и распадающийся на этапы сообразно покорению очередного региона: Юго-Востока, Юго-Запада, Центральных графств (Мерсии), Северо-Востока и Нортумбрии, части Уэльса. Победа при Гастингсе отнюдь не привела к устранению всех препятствий на пути к восшествию Вильгельма на престол. Значительные силы англосаксов, в том числе военной знати, собрались в Лондоне, намереваясь продолжать войну [4, р. 320]. Они попытались провозгласить королем Эдгара Этелинга [1, р. 170; 21, р. 181], но было очевидно, что этот юноша не подходит на такую роль. Более подходящие кандидатуры — Эдвин, Моркар, Вальтёф (сын прежнего эрла Нортумбрии Сиварда) — отпали, поскольку не участвовали в битве при Гастингсе и имели северное происхождение: они были чужаками для южной знати, преобладавшей на собрании. В ответ на это северные эрлы увели свои отряды из Лондона, вновь оставив его без помощи. В результате реальным лидером лон-

донцев, возглавившим оборону города, стал шериф Мидлсекса Ансгар [1, р. 170; 3, р. 525–527, 530, 545].

Все эти задержки были на руку Вильгельму, совершавшему тем временем победоносный рейд по юго-востоку Англии — региону, чьи силы были в основном уничтожены при Гастингсе. Это объясняет молниеносный триумф Вильгельма на пути к Лондону. В течение последней декады октября 1066 г. были практически без боя взяты Дувр и Кентерберги (резиденция главы английской церкви) и далее покорена вся местность к югу от Темзы. В начале ноября нормандцы с юга подошли к Лондону [3, р. 533, 541; 8, р. 134; 13, р. 41–43]. Состоялся недолгий бой в южном предместье Лондона — Саутворке, где отряд нормандцев отразил вылазку из города осажденных [21, р. 182; 4, р. 230]. Полагая, очевидно, более разумным продолжить покорение беззащитного Юга, нежели губить и без того небольшое войско в новых сражениях, Вильгельм продолжил марш по южному берегу Темзы, уйдя от Лондона на запад, пока не форсировал реку в середине декабря 1066 г., в верхнем течении. Очередной удачей герцога на этом пути было вступление в Винчестер — древнюю столицу Уэссекса с ее сокровищницами. Винчестер, где пребывала вдова Эдуарда Исповедника, был покорен благодаря красноречию послов Вильгельма [3, р. 540; 8, р. 136]. Почтительное отношение к вдовствующей королеве подчеркивало факт легитимного наследования Вильгельмом якобы завещанной ему Эдуардом Исповедником короны, в противовес «узурпации» ее Гарольдом. Здесь герцог Нормандии в очередной раз проявил себя как тонкий дипломат, стараясь узаконить завоевание Англии в глазах общественного мнения.

Вместе с тем по отношению к местному населению, чье мнение было не столь важно, Вильгельм с самого начала вел себя как завоеватель. Англосаксонские источники единодушно повествуют о разорении мест, через которые войско Вильгельма шло из Гастингса: Сассекс, Кент, Суррей, Мидлсекс подверглись значительному опустошению. Так, действуя устрашающим примером на защитников Лондона и одновременно ведя с ними переговоры, Вильгельм подготавливал почву для бескровного взятия власти в свои руки. По выражению Р. Адама, «страх и время были оружием Вильгельма» [1, р. 170; 3, р. 546–547; 6, р. 144; 8, р. 136; 13, р. 47]. Местное население отвечало редкими партизанскими акциями, уничтожая мелкие отряды нормандцев [3, р. 543; 4, р. 230; 15, р. 215]; но в целом юг страны был достаточно обескровлен. Эта политика принесла ожидаемые результаты. Встав лагерем в населенном пункте Беркхампстед на северо-западе от Лондона, герцог контролировал дороги на север, откуда потенциально могла прийти помощь лондонцам [1, р. 170; 8, р. 138]. Здесь и состоялись переговоры с послами Ансгара, которые завершились сдачей англосаксов во избежание дальнейших разрушений юга страны [6, р. 144]. Вскоре после формального примирения Вильгельма с руководителями обороны Лондона стартовала подготовка коронации нового монарха, которая состоялась на Рождество в Вестминстере. Коронация не была насильственным актом, да и не могла быть таковым; компромисс с элитой южных графств был достигнут на переговорах, где Вильгельм декларировал обещания справедливого правления и соблюдения законов Эдуарда Исповедника [6, р. 145; 1, р. 171]. Но на деле, поскольку остальная Англия еще не была покорена, перед ним оставался лишь путь дальнейшего завоевания.

Рассмотрение битвы при Гастингсе в контексте предшествовавших ей и последующих событий позволяет лучше понять ее роль и место в сложном политическом

процессе нормандского завоевания Англии, а также поставить вопросы о соотношении случайного и закономерного в этом процессе и найти ответы на них. Проблема соотношения случайного и закономерного в истории волнует ученых много столетий, и ее решение нередко зависит от различных течений философской мысли того или иного времени. Например, для средневековых историографов и мыслителей, бывших представителями духовного сословия, причины и следствия исторических явлений, как правило, исчерпывающе объяснялись божьей волей и наказанием человечества за грехи. Подобная метафизическая трактовка вполне устраивала общественную мысль того времени. С постепенным переходом к секулярному осмыслению мира и отделением науки от религии в эпоху Просвещения ученые стали уделять больше внимания проблематике возможностей, альтернатив, точек бифуркации, но вместе с тем нередко погружались в новый, созданный ими самими рационалистический догматизм, обосновывавший все исторические явления социологическими схемами, во многом искусственными и игнорировавшими разнообразие и нюансы живой реальности. Таким образом, на смену метафизическим установкам клириков пришли не менее жесткие теории в духе линейного прогрессизма, осмыслявшего историю как поступательный процесс движения от старого к новому. В рамках подобных концепций с их подчеркнутым стремлением к систематизации всего и вся не оставалось места случайностям, выбивающимся из общей логики построения теорий. Это была эпоха господства культа закономерностей и консервативного тезиса «История не терпит сослагательного наклонения». Надо заметить, что попытки опровержения этого тезиса эпизодически имели место, начиная с Тита Ливия в Античности и заканчивая А. Тойнби и У. Черчиллем⁵ в XX в. Однако только в последнее десятилетие XX в.⁶ наметился отход от догматизма и поворот к осмыслению нелинейности исторических процессов, которые не всегда укладываются в рамки умозрительных схем. Это позволило «реабилитировать» «сослагательное наклонение» и обратиться к альтернативной истории, основанной на контрфактическом подходе, как к продуктивной аналитической методике, позволяющей сопоставлять возможности и перспективы тех или иных путей исторического развития исследуемых социумов — разумеется, с соблюдением определенных рамок и условий, за пределами которых лежали бы уже домыслы и фантастика [22, 23, 24]. Хотя многие полагают, что подобный подход должен выражаться в конструировании каких-либо моделей в математическом, даже кибернетическом духе, в действительности для анализа исторической проблематики бывает достаточно опоры на логику и здравый смысл, через призму которых рассматриваются факты и тенденции, разумеется с учетом особенностей ментальности соответствующей эпохи. Микроисторический подход, основанный на исследовании мелких цепочек событий и их причинно-следственных связей, как раз позволяет успешно работать в рамках альтернативных допущений, моделирующих варианты развития событий.

Битва при Гастингсе с ее предысторией и последствиями (как событийными цепочками, подлежащими микроисторическому исследованию) дает возможность поставить

⁵ Тит Ливий разрабатывал сюжет о возможном конфликте Александра Македонского с Римом. А. Тойнби экспериментировал с версиями о том, как сложились бы судьбы мира, если бы Александр и некоторые другие исторические деятели прожили дольше. В 1931 г. У. Черчилль рассматривал гипотезу о том, как сложился бы ход дальнейших событий в случае победы конфедератов при Геттисберге в Гражданской войне в США.

⁶ См.: Виртуальная история: альтернативы и предположения / под ред. Н. Фергюсона. М.: АСТ: Corpus, 2019. 656 с.; и др.

разные вопросы подобного свойства. Например: как сложились бы судьбы английского престола, если бы Эдуард Исповедник умер не в январе 1066 г., а раньше или позже, что было вполне возможно? Скорее всего, борьба за трон между Гарольдом и его нормандским оппонентом все равно развернулась бы, так как лежавшие в ее основе интересы сформировались у претендентов на престол уже задолго до 1066 г. Что касается третьего претендента — Харальда Сурового, — то здесь возникает целый ряд вопросов. С одной стороны, экспансия скандинавов на Британские острова насчитывала уже 300-летнюю традицию, до трети английской знати и населения имело скандинавские корни, вмешательство северных королей в английские дела было привычным явлением (например, в 1069 г. на помощь антинормандскому восстанию в Нортумбрии пришла уже Дания и англосаксы встречали датчан как своих). С другой стороны, остается нерешенным вопрос, имело ли место какое-либо соглашение между Харальдом и Вильгельмом о совместных усилиях; вторжение двух армий в Англию с севера и юга с разницей всего в пару недель (обусловленной наличием и отсутствием попутных ветров для парусного флота) не может не вызывать догадку о каком-то сговоре, хотя прямых сведений об этом в источниках нет. В этой связи видится значимой фигура Тости, который вполне мог быть посредником между двумя завоевателями, активно странствуя по разным монаршим дворам Европы в поисках поддержки и опираясь на родственные связи — фактор, игравший решающую роль в политике феодального, традиционного общества. Британский историк П. Стаффорд считает, что на саму разработку нормандцами плана вторжения в Англию повлиял пример Тости, собиравшего в апреле 1066 г. во Фландрии флот для личной мести брату [2, р. 96]. Наконец, если бы норвежцам сопутствовала удача в военных действиях на севере Англии (как сначала и было), вполне вероятно, что в итоге Харальду Суровому пришлось бы потом делить с Вильгельмом Англию на две части либо воевать за власть над всей страной. Таким образом, возрождался бы сценарий разделения Англии на область скандинавского влияния и земли под властью монархов Юга, как это уже было в последней трети IX в. во времена Альфреда Великого.

Рассматривая легенду о клятве Гарольда Вильгельму и ее использование нормандской стороной для оправдания вторжения в Англию, следует учитывать особенности средневековой ментальности, в рамках которой моральное преступление (нарушение клятвы) имело больший резонанс для общественного мнения, чем правдивость самого факта. Главным было как можно шире обнародовать эту информацию, чтобы спровоцировать осуждение клятвопреступника, а военная победа нормандцев уже потом избавила бы от необходимости верификации данного сюжета, по принципу «победителя не судят». Впрочем, нельзя не отметить, что у противной стороны — Гарольда — имелись в запасе аналогичные обоснования своих прав на престол в виде похожего нарратива о якобы «завещании Эдуарда Исповедника», высказанного на смертном одре в устной форме и предполагавшего передачу власти Гарольду как наиболее близкому к трону и влиятельному аристократу в королевстве [9, с. 449]. Просто Гарольду не удалось, в отличие от Вильгельма, разыграть эту карту в таком масштабе, чтобы обеспечить себе поддержку в Европе.

Что касается самой битвы при Гастингсе — исход ее отнюдь не был заранее предопределенным, поскольку ход сражения продемонстрировал, что даже свежие силы наступавшей армии Вильгельма в течение целого дня не могли преодолеть стойкую оборону англосаксов, пребывавших в более жалком состоянии. Случайная смерть Вильгельма

на поле боя, в шаге от которой герцог был, могла обречь его войско на поражение и привести к неудаче всей кампании, особенно с учетом того факта, что средневековые армии были очень зависимы от личного авторитета предводителя и легко теряли боевой дух при его гибели. В таком случае нормандское завоевание Англии могло просто не состояться, и в дальнейшем страна развивалась бы совершенно иначе — по всей вероятности, в духе североευропейского историко-культурного ареала, частью которого она была раньше (на манер Дании, например, с которой у Англии были тесные связи). Все эти допущения позволяют оценить множественность исторических возможностей и нелинейность развития исторических процессов, их зависимость от большого количества мелких факторов и обстоятельств, делающих эти процессы до определенной степени случайными. Это не отменяет каких-то более фундаментальных закономерностей исторического развития, но диалектически дополняет их.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Florence of Worcester*. The Chronicle of Florence of Worcester. Oxford: Clarendon Press, 1968. 512 p.
2. *Stafford P.* Unification and conquest: a political and social history of England in the X & XIth centuries. London; New York: E. Arnold, 1989. 232 p.
3. *Freeman Edward A.* The history of the Norman conquest of England, its causes and its results. Vol. 3: The reign of Harold and the interregnum. 2 edition, revised. At the Clarendon Press, 1876. 896 p.
4. *William of Poitiers*. Gesta Guillelmi ducis normannorum et regis anglorum, or Deeds of William Duke of the Normans and King of the English // English Historical Documents. Vol. 2. London: Eyre & Spottiswood, 1953. 199 p.
5. *William of Malmesbury*. Chronicle of The Kings of England. London: H.G. Bohn, 1904. 544 p.
6. The Anglo-Saxon Chronicle / ed. by D. Whitelock. Oxford: Clarendon Press, 1964. 240 p.
7. *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. Oxford: Clarendon Press, 1955. 747 p.
8. *Adam R.J.* A conquest of England: the coming of the Normans. London: Hodder & Stoughton, 1965. 239 p.
9. Сара о Харальде Суровом // Снорри Стурлусон. Круг земной. М.: Ладомир; Наука, 1995. 688 с.
10. *Горелов М.М.* Скандинавская колонизация и национальная идентичность англосаксов в IX–XI вв. // Диалог со временем. Вып. 25-2. М., 2008. С. 289–304.
11. *Hollister C.W.* Anglo-Saxon military institutions on the eve of the Norman Conquest. Oxford: Clarendon Press, 1962. 170 p.
12. *Furneaux R.* Conquest 1066. London: Prentice-Hall, 1966. 207 p.
13. *Guy of Amiens*. The Carmen de Hastingae Proelio / ed. by C. Morton & H. Muntz. Oxford: Clarendon Press, 1972. 149 p.
14. *William of Jumieges*. Gesta normannorum ducum. // English Historical Documents. Vol. 2 / ed. by D.C. Douglas. London: Eyre & Spottiswood, 1953.
15. *Stenton F.M.* William the Conqueror and the rule of Normans. New York: Barnes & Noble, 1966. 216 p.
16. *Штокмар В.В.* История Англии в Средние века. Л.: ЛГУ, 1973. 184 с.
17. *Свонтон М.* Гобелен из Байё: эпическое сказание не в стихах, но в вышивке // Arbor mundi (Мировое древо). Вып. 4. М., 1996. С. 47–62.

18. Walker H., Brooks N. The authority and interpretation of the Bayeux Tapestry // Proceedings of the Battle Conference on Anglo-Norman studies, 1978. Woodbridge, 1978. P. 1–34.
19. Wise T. 1066: year of destiny. London: Osprey, 1979. 232 p.
20. Norman A.V.B., Pottinger D. A history of war and weapons 499 to 1660. English warfare from the Anglo-Saxons to Cromwell. New York: Cromwell, 1966. 232 p.
21. Ordericus Vitalis. The Ecclesiastical History (Historia Ecclesiastica) of Orderic Vitalis. Vol. 2 / ed. by M. Chibnall. Oxford: Clarendon Press, 1969. 409 p.
22. Нехамкин В.А. Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути решения. М.: Макс-Пресс, 2002. 103 с.
23. Карпенко А.С. Контрфактуальное мышление // Логические исследования. 2017. Т. 23. С. 98–122.
24. Экушут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося: опыт историко-философского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 79–87.
25. Рекс П. 1066. Новая история нормандского завоевания. СПб: Евразия, КЛИО. 2014. 335 с.

REFERENCES

1. Florence of Worcester. *The Chronicle of Florence of Worcester*. Oxford, Clarendon Press, 1968, 512 p.
2. Stafford P. *Unification and conquest: a political and social history of England in the X & XIth centuries*. London; New York, E. Arnold, 1989, 232 p.
3. Freeman Edward A. *The history of the Norman conquest of England, its causes and its results*. Vol. 3: *The reign of Harold and the interregnum*, 2 edition, revised. At the Clarendon Press, 1876, 896 p.
4. William of Poitiers. *Gesta Guillelmi ducis normannorum et regis anglorum, or Deeds of William Duke of the Normans and King of the English*. In: *English Historical Documents*, vol. 2. London, Eyre & Spottiswood, 1953, 199 p.
5. William of Malmesbury. *Chronicle of The Kings of England*. London, H.G. Bohn, 1904, 544 p.
6. *The Anglo-Saxon Chronicle*, ed. by D. Whitelock. Oxford, Clarendon Press, 1964, 240 p.
7. Stenton F.M. *Anglo-Saxon England*. Oxford, Clarendon Press, 1955, 747 p.
8. Adam R.J. *A conquest of England: the coming of the Normans*. London, Hodder & Stoughton, 1965, 239 p.
9. Saga o Haralde Surovom [The Saga of Harald Hardraada]. In: *Snorri Sturluson. Krug zemnoj [The Circle of the Earth]*. Moscow, Ladimir, Nauka, 1995, 688 p. (in Russ.)
10. Gorelov M.M. Skandinavskaja kolonizacija i nacionalnaja identichnost anglosaksov v IX–XI vv. [Scandinavian Colonization and National Identity of Anglo-Saxons in IX–XIth cc.]. In: *Dialog so vremenem. Vyp. 25-2 [Dialogue with Time. Issue 25-2]*. Moscow, 2008, pp. 289–304. (in Russ.)
11. Hollister C.W. *Anglo-Saxon military institutions on the eve of the Norman Conquest*. Oxford, Clarendon Press, 1962, 170 p.
12. Furneaux R. *Conquest 1066*. London, Prentice-Hall, 1966, 207 p.
13. Guy of Amiens. *The Carmen de Hastingae Proelio*, ed. by C. Morton & H. Muntz. Oxford, Clarendon Press, 1972, 149 p.
14. William of Jumieges. *Gesta normannorum ducum*. In: *English Historical Documents*, vol. 2, ed. by D.C. Douglas. London, Eyre & Spottiswood, 1953.
15. Stenton F.M. *William the Conqueror and the rule of Normans*. New York, Barnes & Noble, 1966, 216 p.

16. Shtokmar V.V. *Istorija Anglii v Srednie veka* [A history of England in the Middle Ages]. Leningrad, Leningradskij gos. universitet, 1973, 184 p. (in Russ.)
17. Svonton M. Gobelen iz Bajyo: epicheskoe skazanie ne v stihah, no v vyshivke [The Bayeux Tapestry: the Epic Tale is not in Verse, but in Embroidery], *Arbor mundi (Mirovoe drevo)*, vyp. 4. Moscow, 1996, pp. 47–62. (in Russ.)
18. Walker H., Brooks N. *The authority and interpretation of the Bayeux Tapestry, Proceedings of the Battle Conference on Anglo-Norman studies, 1978*, Woodbridge, 1978, pp. 1–34.
19. Wise T. *1066: year of destiny*. London, Osprey, 1979, 232 p.
20. Norman A.V.B., Pottinger D. *A history of war and weapons 499 to 1660. English warfare from the Anglo-Saxons to Cromwell*. New York, Cromwell, 1966, 232 p.
21. Ordericus Vitalis. *The Ecclesiastical History (Historia Ecclesiastica) of Orderic Vitalis, vol. 2, ed. by M. Chibnall*. Oxford, Clarendon Press, 1969, 409 p.
22. Nehamkin V.A. *Problema polivariantnosti istoricheskogo processa: genezis, puti reshenija* [The Problem of the Multivariance of the Historical Process: Genesis, Solutions]. Moscow, Maks-Press, 2002, 103 p. (in Russ.)
23. Karpenko A.S. *Kontrfaktualnoe myshlenie* [Counterfactual thinking], *Logicheskie issledovaniya = Logical Research*, 2017, vol. 23, pp. 98–122. (in Russ.)
24. Ekshut S.A. *Soslagatelnoe naklonenie v istorii: voploshchenie nesbyvshegosja: opyt istoriosofskogo osmyslenija* [Subjunctive Mood in History: the Embodiment of the Unfulfilled: the Experience of Historiosophical Comprehension], *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2000, No. 8, pp. 79–87. (in Russ.)
25. Reks P. *1066. Novaya istorija normandskogo zavoevanija* [1066. A New History of the Norman Conquest]. St. Petersburg, Evraziya, KLIO, 2014, 335 p. (in Russ.)